

Славянофильская программа государственного устройства Сергея Шарапова

До недавнего времени имя Сергея Федоровича Шарапова (1855–1911) было известно лишь узкому кругу историков-специалистов. К сожалению, ни в русской, ни тем более в советской историографии нет ни одного специального труда, посвященного этому человеку. До революции о Шарапове вышло только две статьи, а после 1917 года его имя не упоминалось в исследованиях вплоть до 70-х годов. Сказался и негативный отзыв В.И. Ленина, писавшего о Шарапове в статье «Перлы народнического прожектерства». Только в 90-е годы появляются первые работы, посвященные взглядам этого мыслителя, которого одни исследователи относят к «неославянофилам»; другие – к представителям «позднего славянофильства»¹.

Шарапов родился 1 июня 1855 года в имении Сосновка Вяземского уезда Смоленской губернии в родовитой дворянской семье Федора Федоровича и Лидии Сергеевны. После 2-й Московской военной гимназии (поступил в 1868, окончил с отличием в 1872 г.) Сергей продолжил образование в Николаевском инженерном училище в Санкт-Петербурге, которое вскоре был вынужден покинуть из-за болезни матери, так и не кончив полного курса, но получив специальность сапера. С началом боевых действий на Балканах, Шарапов отправился добровольцем на войну в Боснию. По воспоминаниям, он руководил военными действиями до 1 мая 1876 года, затем был захвачен в Загребе венгерскими властями и в мае 1877 г. выпущен на свободу. Ездил по Италии, бедствовал, голодал, и даже начал подумывать о самоубийстве. Спало его сообщение от известного консервативного издателя и публициста А.С. Суворина, предложившего сотрудничество и выславшего авансом деньги. Работа за границей в качестве корреспондента «Нового времени» позволила Шарапову приобрести уникальный опыт. Вернувшись, осенью 1878 года на родину, он вышел в отставку и занялся сельским хозяйством, поселившись в Сосновке. Пробовал себя в политике, но безуспешно. Судьба забросила его в Москву, где он близко сошелся с И.С. Аксаковым (сотрудничал в его газете «Русь»), которого считал своим учителем, отмечая, что именно общение с известным славянофилом сделало его готовым выдержать «экзамен зрелости на русского человека». Помимо «Руси», Шарапов сотрудничал в «Голосе Москвы», «Промышленном мире» и других консервативных органах печати. Как и многие славянофильские публицисты, Шарапов испытал давление цензуры, когда с 1886 года начал издавать газету «Русское дело» финансируемую московским купцом-старообрядцем Д.И. Морозовым, которая получила неоднократные предостережения за критику правительства (1888, 1889 гг.) и в итоге была временно приостановлена.

В конце 80-х гг. завязалась переписка Шарапова с К.Н. Леонтьевым, после чего между ними установились отношения близкие к дружеским, что не совсем отвечает выдвинутой историком А.Л. Яновым версии о якобы имевшей место травле Леонтьева со стороны Шарапова². О том, что отношения двух мыслителей были доверительными, свидетельствует и то, что Шарапов советовался с Леонтьевым даже по вопросам, связанным с личной жизнью: «Хочу у Вас попросить одного разъяснения. Я живу с женщиной замужней, сам не женат. Любим друг друга очень, жизнь довольно христианская (она очень верующая и вера довольно действенная). Муж ее жив, но жить ей с ним было нельзя, не жила с ним уже 9 лет до связи со мной. Прожили мы год, как ангелы, мирно, тихо, благородно. Говееет она. Священник очень либерально разрешает ей жить со мной и дальше. Говею я. Иванцов (священник) тоже говорит: это грех, но уж пусть будет, ибо без него еще больший разврат мог бы быть. Таким образом, грех, который мы делаем сознательно, как бы благословляется. Нарушение закона брака Церковь может простить тогда, когда он не повторяется или когда человек хоть в ту

минуту (при покаянии) решается его не повторять. Но как быть здесь: я говорю: я делаю и буду делать грех. Священник говорит: нужды ради, и делай, и дает мне отпущение грехов. Возможен ли здесь такой компромисс? И если невозможен, то что должен я делать, чтобы помириться не с моей совестью, а с моим разумом, который находит противоречие и протестует. (Совесть молчит, ибо наша жизнь чистая и честная.) Как Вы на это взглянете?» - спрашивал Сергей Федорович в письме к Леонтьеву от 6 мая 1888 г.³ Кстати, не без влияния Леонтьева Шарапов исповедался и причастился Великим постом 1888 года после 15-летнего перерыва. 23 июня 1890 г. Шарапов с отчаянием писал Леонтьеву о своей газете: «Мое "Русское Дело" окончательно погибло, дорогой Константин Николаевич, и я, кажется, перебираюсь в Петроград... Пожалуйста, Вы ведь читали начало моего романа (речь идет о романе "Чего не делать?" – А.Р.). Скажите по совести и прямо – художник я, или нет? Если да, ударюсь в это дело, если нет, останусь публицистом»⁴. В ответ Леонтьев, с присущей ему прямоотой заметил, что, вряд ли следует «писать такие повести, которые никто не захочет во второй раз и *видеть*», и лучше оставаться талантливым и будящим мысль публицистом⁵. Затем Шарапов создал и выпускал газету «Русский труд» (1897–1902 с перерывами), которую постигла та же участь, что и «Русское слово». Далее последовала «Русская беседа», которая разделила судьбу предыдущих изданий. На свет появился «Мой дневник», в виде отдельных брошюр, но название пришлось по цензурным соображениям упрятать внутрь. На обложку были вынесены нейтральные названия: «Сугробы», «Посевы», «Жатва», «Заморозки», «Пороша», «Метели» и т.п. Впоследствии, ненадолго возобновилось издание «Русского дела», за которым последовал «Пахарь». Попыткой прорыва информационной блокады стало издание «Свидетеля» (1907–08).

Шарапов активно популяризировал наследие славянофилов, считая, что «русская самостоятельная мысль по вопросу о государственном устройстве нашла себе выражение... именно у славянофилов, ... славянофильская мысль, единственный продукт нашего собственного национального творчества, опирающаяся только на психологию русского народа и на изучение духа родной истории...»⁶. Он издал «Московский сборник» (М., 1887), куда помимо работ Шарапова вошли произведения М.Д. Скобелева, А.А. Киреева, Ф.М. Достоевского, И.С. Аксакова и др., и сборник «Теория государства у славянофилов» (СПб., 1898), включавший труды И.С. и К.С. Аксаковых, А.В. Васильева, А.Д. Градовского, Ю.Ф. Самарина. Шарапов пытался, по собственным словам, «к русскому церковному учению Хомякова, историческому И.С. Аксакова, политическому Н.Я. Данилевского» прибавить «русское экономическое учение», и доказать, что возможность создать научную денежную систему, в основе которой лежало бы также нравственное начало. Объектом постоянной критики с его стороны служил порядок денежного обращения, установившийся в России в результате реформ С.Ю. Витте. Борьба шла с переменным успехом, но в итоге Витте в итоге смог одолеть своего оппонента, навязав ему денежную субсидию на развитие коммерческого предприятия «Пахарь», и тем самым, скомпрометировав.

Шарапов выделял три главные функции государственной денежной системы: счетчика народного труда; «организатора и направителя» народного труда; защитника государства от соседей-конкурентов и «хищной международной биржи». Золотое обращение, по мнению Шарапова, не обеспечивало выполнения этих функций, и он предложил провести ликвидацию золотой валюты, и ввести «абсолютные деньги», которые должны были находиться в распоряжении центрального государственного учреждения, регулирующего денежное обращение. При этом государство должно было выпускать только необходимое количество денежных знаков, а денежная единица должна представлять некоторую постоянную, совершенно отвлеченную меру ценностей (бумажный рубль). Шарапов считал, что введение золотой валюты пагубно еще и тем, что лишило земледельцев оборотного капитала, т.к. при наличии бумажных денег всегда можно прибегнуть к эмиссии, а после возвращения кредита изъять бумажные деньги из обращения. Резко отрицательно